Осень уходила, как капризная женщина, — нервно. Она как бы давала понять: если я ухожу, так и вам не поздоровится. Капризничала постоянно: то мелким холодным дождем (было ощущение, что кто-то этот дождь пропускает сквозь сито), то ледяным, пронизывающим ветром. Солнце выходило из-за туч будто только для того, чтобы глотнуть воздуха и опять нырнуть в дождь с ветром.

Настроение почти у каждого соответствовало погоде. Куда деваться? При такой погоде не разгуляешься. Слякоть, грязь, лужи добавляли неуюта в повседневную жизнь. Люди с нетерпением ждали зимы. Она пришла — по-барски вальяжно. Сначала в надоевшую осеннюю слякоть прокрался морозец, а затем несколько дней шел прекрасный белый снег. Зима как бы говорила: «Знаю, знаю, что заждались меня. Вот я вас и порадую. Вот я вас и потешу». Действительно радовала и тешила. Настроение у людей поднялось, а с ним и жизнь забурлила совсем по-иному.

Проходя мимо дома дяди Коли и тети Веры, я решил заглянуть к ним. К моему большому удивлению, дядя Коля бессовестно гнал самогон! Я поздоровался, прошел на кухню.

— Попробуешь? — спросил дядя Коля. — С одной стороны, тебе еще рано, а с другой — лучше попробовать со мной, чем с какой-то шпаной.

Я вежливо отказался.

— Правильно! Не праздник! — сказал дядя Коля. — Самогон у меня отменный, тройной перегонки, двойной очистки. Горит приятным синим огоньком. Гоню потому, что водка не дает тех радости и веселья. Раньше водки выпьешь, так и танцевать потянет, и поговорить, и покуражиться. А сейчас? Выпил водки — голова не соображает, ноги тяжелые. Какой тут к чертовой матери праздник?! Куда только правительство смотрит? Деньги дерут, а правильного товара нет. Народу без праздников никак нельзя — и так жизнь не сахар. Я прав?

— Не знаю, дядя Коля. Знаю только, самогоноварение у нас запрещено. Поймают — накажут.

— Не умничай, умник. Меры безопасности у меня, как в разведке. Кругом свои маячки. Меня на гоп-стоп не возьмешь. Ты чего пришел? Меня за советскую власть агитировать? Я за нее, в отличие от некоторых, воевал честно. Там, на войне, и смекалке научился, и военной хитрости. Так что со мной еще потягаться надо.

— Тетя Вера сказала, что у вас в приемнике УКВ не работают, а на этих волнах очень интересные передачи бывают.

— Посмотри, посмотри, порадуй бабушку своим мастерством.

Я быстро раскрутил приемник, методом тыка нашел неисправность. Голос из приемника радостно поведал, что начинаются литературные чтения.

— Молодец, — сказал дядя Коля. — Услужил. Можно сказать, совершил небольшое чудо, пролил елей на сердце бабушки, а это значит, что она отвяжется от моего самогона.

— Ладно, дядя Коля, какое там чудо!..

— Ладно не ладно, а приемник заговорил. До тебя тут двое приходили, результата не было. Кстати, ты знаешь, что чудеса приходят с хорошими людьми?

— Дядя Коля, ты видел чудеса?

— Видел, и неоднократно.

— Например?

— Например, иду я по перрону железнодорожного вокзала нашего Оренбурга этак в 1921 году и вдруг слышу:

— Дай прикурить.

Я, не поднимая глаз, руку в карман, достаю спички, протягиваю... Смотрю, а передо мной Сергей Есенин! Во как. Разве это не чудо? Раньше приемников у нас не было, да и газеты не все читали. Москва вон где и Ленинград тоже. А Есенин передо мной. Он мне спички возвращает и говорит:

— Отомри. В Ташкент к другу еду. Ваши степи смотрел. Решил, как Александр Сергеевич, написать про пугачевскую вольницу. Выпить хочешь?

Я отказался. Его кто-то из вагона позвал, он повернулся и ушел. Вагон-то был не простой.

— А что ж ты с ним не выпил?

— Глупый ты. Как бы я потом из Ташкента домой добирался?

— Дядя Коля, а ты случайно с Пушкиным не встречался?

— Обалдуй. Зря не веришь. А ведь это было чудо — вот так запросто на перроне поговорить с Есениным, поручкаться с ним. Чудо и существует для того, чтобы кто-то в него верил, а кто-то — нет. А

Есенин — это же наша песня, которая нет-нет, да зазвучит в сердце и позовет за собой, окутает незримо тебя, и отдашься ты ей, и наполнят тебя чувства. Светлая голова, неуемный характер...

Немного подумав, продолжил:

— Тяжелое было время, и водка, конечно, свое дело сделала.

— Сам ведь гонишь.

— Гоню, не отрицаю, факт налицо. Что поделать, если водка порою в жизни, как пропуск? Отдал — и сделал что нужно. Я ведь и Айседору Дункан видел, и руки ее касался.

— Ты даешь, дядя Коля! Тоже на вокзале?

— Почему на вокзале? В зале городского драматического театра города Оренбурга. Это было уже позже, этак году в 1924-м. В это время она уже с Есениным развелась. Женщина видная, привлекательная, как и Есенин, во славе. Но, видать по всему, с норовом, цену себе знающая, себя уважающая. Не зря ей рукоплескали в Будапеште, в Берлине, в Париже, в Лондоне, в Москве. Про нее в наших оренбургских газетах писали. Я купил одну себе на память. Долго эту газету хранил и читал не раз. Хвалили Айседору восторженно. Восхищались ее революционными действиями в балете. Запомнил одно выражение. Для меня тогда не очень понятное, наверное, потому и запомнил: «...Она живописует звуки музыки своим телом и делает музыку прозрачной». Пускай она на меня не обижается, а только Сережа Есенин мне ближе. Хотя я зауважал ее еще больше после того, как она выступила перед сиротами в детском доме города Оренбурга и пообщалась с ними. Ты знаешь, что-то в ней было наше, русское, раздольное, порывистое, не всегда обдуманное. Она, как и Есенин, была здесь проездом, тоже ехала в Ташкент. Что искала эта женщина на наших степных дорогах? Может быть, потерянную любовь Сережи? А может, как и Есенин, пугачевскую вольницу? Все-таки наши русские бабы в основном какие-то несчастные. Как-то не ложится на их жизни счастливая вечность. Да и своей ладушке я тоже большого счастья не подарил... Айседора Дункан трагически погибла. Во время поездки конец накинутого на плечи длинного шарфа намотался на колесо автомобиля и задушил ее. Об этом тоже писала наша оренбургская газета. Представляешь? Есенин повесился. Айседора умерла от удушения. Что это — рок, судьба? Или месть потерянной любви? Они оба оставили след в искусстве, четкий и запоминающийся. А что мы с тобой оставим? Нужен ли кому будет наш след? Их — нужен! В них будет нуждаться еще не одно поколение. Они достигли высшего самовыражения. В сердце России осталась о них память.

Дядя Коля, тяжело вздохнув, направился к своему самогонному аппарату. Я понял по его действиям, что на сегодня самогоноварение закончилось. То, что я сегодня услышал от дяди Коли, для меня было полной неожиданностью. Как он прикоснулся к двум гениальным людям. Как он рассуждал. Воистину бывает человек душой своей загадочен и неповторим. Живут в его душе прекрасные чувства и любовь к другим людям, только не всегда все это выплескивается наружу, как случилось, например, сегодня. Я даже и не догадывался, что дядя Коля может с такой теплотой в голосе, с таким горящим взглядом говорить об этих людях мне...

Шла третья четверть XX века.